

БАЛЕТ

ГАРМОНИЯ
ТАНЦА

ЗАВЕРШИЛСЯ второй Московский международный конкурс артистов балета. В состав его жюри входили крупнейшие деятели мировой хореографии. Они вели очень напряженную, трудную работу, требующую предельного внимания и собранности, — нужно было оценить профессиональные возможности и особенности конкурсантов, уловить все достоинства и погрешности исполнения. Иногда дневные просмотры длились более четырех часов. А потом заседания...

И каждое утро за длинным столом жюри занимала место советская балерина Майя Плисецкая. Среди членов жюри она единственная, кто в эти дни еще и танцевал на сцене Большого театра. Два раза выступила она в балете «Анна Каренина», танцевала партию Кармен в «Кармен-сюите». И мало того, показала московским зрителям, многочисленным иностранным гостям, прибывшим на конкурс, свою новую работу — фрагмент из балета «Гибель Розы», поставленного известным французским балетмейстером Роланом Пети на музыку Малера.

Всем известно, что для того чтобы танцевать, надо заниматься, репетировать. Рано утром приходила Плисецкая в балетный класс на урок, в 11 часов 30 минут приступала к своим обязанностям члена жюри, потом снова репетиции, а вечером спектакли, требующие огромного нервного напряжения и подъема. Мне кажется, что эти июньские дни были артистическим подвигом Майи Плисецкой. Недаром так восторженно приветствовал ее переполненный зрительный зал, недаром нескончаемым дождем летели на сцену Большого театра цветы. Когда Плисецкая 13 июня станцевала дуэт из балета «Гибель Розы», она вместе со своим партнером, талантливым французским танцовщиком Руди Брийансом выходила на вызовы едва ли не весь антракт.

Партия Розы создана Роланом Пети для Плисецкой. Он уловил и подчеркнул самое существо, неповторимое

обаяние артистической и пластической индивидуальности балерины, поющую, бесконечно длящуюся кантилену линий ее танца. Очевидно, именно поэтому она так трепетно и бережно донесла каждый нюанс, каждый штрих его тонкой и своеобразной композиции.

Позы, поддержки, движения, настроения сменяются также естественно и просто, как просты и естественны в самой природе смены утра и вечера, расцвета и увядания. Бесконечно трогает и завораживает! именно этот покой, это женственное достоинство, которым овеяно каждое движение Плисецкой.

Ее гибнущая Роза не вызывает к состраданию, не ропщет — цветы не жалуются, когда приходит время их увядания, души, умеющие любить беззаветно, приносят себя в жертву, не пытаясь измерить и сосчитать то, что дарят и отдают. Кто знает, чего больше в мудром великодушии любящих — радости или грусти. Вот это особое внутреннее «равновесие», гармония счастья и скорби, горечи и блаженства придает танцу Плисецкой редкое духовное величие. И, как это бывает в настоящем искусстве, происходит чудо, почти необъяснимое словами. — зрительный образ танца создает ощущение струящегося аромата, опадающих нежных лепестков розы. Я не преувеличиваю — так случилось, так было в вечер, когда Плисецкая танцевала в Большом театре «Гибель Розы».

Конечно, это «чудо» могло совершиться только в результате идеального созвучия, художественного согласия трех талантов — балетмейстера, балерины и ее партнера, соединяющего красоту атлетически мужественного сложения с благородной сдержанностью танцевальной манеры.

Во время международного конкурса спектакли Большого театра шли с особым подъемом. Зрители унесут с собой много ярких радостных впечатлений. И среди них одно из самых волнующих — премьера «Гибели Розы».

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН,
заслуженный артист
РСФСР.